

Поход на рынок был редкостью, и юный господин пребывал в приподнятом настроении. Обычно он был слишком ленив, чтобы куда-либо выбираться, но сегодня был явно в ударе, и Инь Яньцзюнь охотно шел у него на поводу.

— Даосский наставник, посмотрите, там ягнята, — воскликнул он. По дороге старик пас овец у пересохшей реки. Русло давно высохло, превратившись в заросшую бурьяном ложбину. Стадо ягнят радостно щипало траву, послушно следуя за старой овцой.

— Ах, какие милые ягнята, — вздохнул молодой господин, затем облизывался. — Хочу шашлык из баранины.

Инь Яньцзюнь не удержался от тихого смеха и протянул руку, чтобы взъерошить волосы юного господина. Тому ещё не исполнилось двадцати, он не достиг совершеннолетия, и обычно собирал волосы в хвост длинной лентой.

Возможно, из-за того, что даос регулярно похлопывал его по голове в последние месяцы, Сюй Яньцин успел не только привыкнуть к этому, но даже начал получать удовольствие. С улыбкой он повернулся к наставнику Сюаньчэню:

— Наставник, вы, наверное, подумали, что я сейчас скажу: «Какие милые ягнята, как же их можно есть!»?

— Нет, — с усмешкой ответил Инь Яньцзюнь. — Я подумал, что ты скажешь: «Какие милые ягнята, хочу с ними поиграть».

Сюй Яньцин фыркнул:

— С чего бы мне быть таким ребячливым? Я же не пухлощёкий малыш А Нин. — Только дети играют с животными, а он — взрослый, беспощадный человек, который думает лишь о том, как их съесть.

— Когда вернёмся домой, попрошу тётушку Чжао приготовить тебе жареную баранину, — голос Инь Яньцзюня был по-прежнему мягок и ласков.

Сюй Яньцин невольно потёр ухо. Он был явно падок на красивые голоса, и голос даоса, как и его внешность, вызывал у «солёного окуня» — так он сам себя называл — слюноотделение.

Вскоре они прибыли в город. Вэнь Цзин умело правил повозкой — по крайней мере, Сюй Яньцин не почувствовал ни малейшей тошноты.

Он вышел из повозки бодрым, в хорошем расположении духа. Вокруг царила привычная рыночная какофония, и первым делом он заметил старика, торгующего сахарными плодами боярышника.

— Хочешь цяньхуатан? — спросил Инь Яньцзюнь, как обычно, оберегая юного господина, положив руку ему на бок, чтобы не дать затеряться в толпе. Увидев, как взгляд Сюй Яньцина прочно прикован к старику с лакомствами, он тихо склонился и поинтересовался.

Юный господин, который совсем недавно уверял, что он вовсе не ребёнок, теперь с неподдельным интересом глазел по сторонам, ничем не отличаясь от ребёнка на прогулке.

Инь Яньцзюнь с улыбкой велел Вэнь Цзину купить одну шпажку:

— Боярышник по природе своей охлаждающий. Беременным его нельзя, но ты, юный господин, можешь попробовать — только один.

Сюй Яньцин хоть и был гурманом, но не из тех, кто нарушает запреты. Он откусил один плод — для вкуса — и был вполне доволен. Остальное протянул стоящему рядом наставнику Сюаньчэню.

Инь Яньцзюнь взял шпажку, и, поддавшись уговорам юного господина, неспешно откусил кусочек. Хрустящая сахарная корочка была сладкой, а сам плод — в меру кислым и сладким. Вкус оказался весьма приятным.

— Ну как? — весело спросил Сюй Яньцин.

Инь Яньцзюнь едва заметно кивнул:

— Сносно.

Для человека с характером даоса такое слово уже было высшей похвалой. Сюй Яньцин довольно улыбнулся и взял его за руку, продолжая прогулку.

Они то шли, то останавливались, покупая в дороге всевозможные закуски. То, что юному господину было можно, он ел с удовольствием. А всё, что нельзя, просто нюхал и скидывал в тарелку даосу.

Наконец, они без спешки добрались до кузницы. Сюй Яньцин достал записку, которую ему передал Му Юй, и отдал её хозяину. Тот быстро нашёл нужные позиции и вынес довольно большой деревянный ящик.

Сюй Яньцин открыл ящик, достал детали и тщательно их осмотрел, убедившись, что всё в порядке. После чего аккуратно оплатил оставшуюся сумму серебром.

После кузницы у него не было дел, и он потянул даоса прогуляться ещё немного.

И вдруг, подняв глаза, он столкнулся лицом к лицу с Сюй Линем и его супругой, рядом с которыми шла Ли Юэяо. Увидев безупречно красивое лицо юного господина Сюй, на лице Ли Юэяо промелькнула едва заметная печаль. Она тут же опустила голову, не желая больше на него смотреть.

— А Цин и даосский наставник Сюаньчэнь тоже вышли за покупками? — поприветствовал их Сюй Линь. Сказав это, он ощутил лёгкое смущение, но не осознал, в чём именно могло быть неловко.

Сюй Яньцин с улыбкой ответил:

— Мы пришли забрать заказ. Брат Линь, а вы что-то хорошее купили для невестки?

В словах юного господина слышалась явная насмешка. Сюй Линь рассмеялся от души и по-приятельски потрепал его по голове. Стоящая рядом Цяо Сюэр выглядела слегка смущённой, в ней чувствовалась застенчивость новобрачной. Похоже, отношения у молодой четы и правда были очень тёплые.

Поболтав немного, они разошлись каждый по своим делам. Некоторые детали, заказанные юным господином, оказались довольно тяжёлыми, и Вэнь Цзин отнёс их в повозку.

Инь Яньцзюнь шёл с внешней стороны, заслоня юного господина от толпы. А тот всю дорогу весело щебетал и смеялся, явно пребывая в отличном настроении.

Ли Юэяо смотрела им вслед, в её взгляде читалась сложная, трудно передаваемая гамма чувств. Юный господин Сюй, казалось, даже не заметил её — не удостоил ни малейшим вниманием.

И вот, уже собираясь повернуться и уйти, Ли Юэяо вдруг увидела, как на землю упал платок. Он показался ей знакомым — смутно припоминалось, что юный господин Сюй пользовался именно таким. Будто повинувшись какому-то странному импульсу, она нагнулась, подняла платок и спрятала его в рукав.

— Юэяо, что ты там возишься? Иди скорее, здесь много людей — не потеряйся, — окликнула её Цяо Сюэр. Сердце Ли Юэяо дрогнуло. Испугавшись, что кузина что-нибудь заподозрит, она быстро догнала её.

Цяо Сюэр подумала, что кузина расстроилась из-за встречи с юным господином Сюем, и нарочно завела с ней разговор, стараясь отвлечь.

Но мысли Ли Юэяо всё целиком были сосредоточены на платке, спрятанном в рукаве. Её подавленный и рассеянный вид заставил Цяо Сюэр невольно вздохнуть.

—

Юный господин и даосский наставник Сюаньчэнь нашли лапшичную, каждый съел по миске лапши, купили еду для Вэнь Цзина и собрались домой.

— Я купил тебе два мясных пирожка, чтобы ты перекусил. Поедем, когда доешь, — сказал Сюй Яньцин, протягивая Вэнь Цзину свёрток в масляной бумаге.

Тот взял свёрток, не удержался от улыбки и сказал:

— Спасибо, молодой господин.

Сюй Яньцин махнул рукой и, опираясь на Инь Яньцзюня, забрался в повозку.

Дорога домой прошла в лёгкой раскачке. После такой вылазки у «солёного окуня» совсем не осталось сил, и он с ленцой развалился в своём кресле.

Инь Яньцзюнь устроился рядом и стал массировать напряжённые икры юного господина. Вдруг он спросил:

— Та девушка, госпожа Юэяо... она, случайно, не питает чувств к юному господину?

Сюй Яньцин поднял глаза на даоса. Лицо того оставалось спокойным, не выражая никаких эмоций. И всё же Сюй Яньцин смутно припомнил: в тот день, когда Ли Юэяо призналась ему в чувствах, наставника во дворе не было.

Значит, тот всё понял, просто наблюдая за её сегодняшним поведением... «Острое зрение у него — поистине, достойное императора», — не удержался от мысленной насмешки юный господин. Он кивнул:

— Верно. Но я уже дал ей от ворот поворот.

— Юный господин всё ещё думает о той кухне, что разбила вам сердце? — в голосе наставника Сюаньчэня вдруг прозвучал холод. Сюй Яньцин смотрел на него, растерянно моргая, не понимая, с чего это разговор внезапно свернул на «кузину».

Полулёжа в кресле, он долго размышлял, а потом наконец сообразил, о ком идёт речь. Усмехнулся:

— Наставник, с чего вы вдруг вспомнили Су Ханьфэна?

Тот, скорее всего, и сейчас где-то мается. Юный господин был слишком занят насмешками над ним, чтобы вообще о чём-то сокрушаться.

Увидев его реакцию, Инь Яньцзюнь тоже усмехнулся:

— Это же ты сам тогда сказал Юаньчэну. Что же, теперь уже и забыл?

Теперь Сюй Яньцин понял всё: наставник Сюаньчэнь нарочно дразнит его. Но, вспомнив, как тогда отреагировал молодой маркиз Инь, он не удержался от смеха:

— Кстати, маркиз-то занятный — я ведь просто сболтнул с потолка, а он поверил.

— Обычные люди не шутят так о себе, как юный господин, — взгляд Инь Яньцзюня мягко скользнул к округлившемуся животу юного господина. Он будто бы невзначай спросил: — Ребёнку сейчас шесть с половиной месяцев. Ещё чуть больше трёх — и он появится на свет. Не страшно?

Взгляд Сюй Яньцина тоже медленно опустился на собственный живот. На лице его появилось сложное, чуть задумчивое выражение:

— Не страшно. Но ощущение... довольно странное.

Инь Яньцзюнь совершенно естественно взял юного господина за руку, а второй ладонью мягко коснулся его живота. Маленький боб в это время был особенно активен и толкался внутри.

— Юный господин уже думал, что будет после рождения ребёнка?

— Наставник, вы же сами говорили, что отравлены и не можете иметь детей, — без тени колебания ответил юный господин. — Да и статус у вас такой высокий. В таком случае, ребёнка, конечно, будет воспитывать наставник. А я спокойно останусь в поместье Уань-гун и проведу остаток жизни никчёмным бездельником. В конце концов, меня будут содержать отец с матерью, а потом и старший брат подключится.

Сюй Яньцин действительно был слегка озадачен вопросом даоса. Он полагал, что между ними уже всё было обговорено. При положении даосского наставника завести ребёнка — уже огромная редкость. А раз уж ребёнок появился, тот наверняка не станет от него отказываться. Сам же он не был готов становиться отцом и даже не знал, как станет относиться к этому ребёнку. Лучше уж всё доверить даосу. По крайней мере, за пределами сюжета жизни тот точно будет и мягким, и строгим родителем.

Взгляд Инь Яньцзюня на юного господина был по-прежнему неизменно ласков, внимателен, даже чуть снисходителен.

Даже услышав столь «безответственные» слова, он нисколько не рассердился — лишь с лёгкой

нежностью посмотрел на него. Спустя мгновение он кивнул:

— Я, конечно же, понимаю, что имеет в виду юный господин.

В сердце юного господина смешались разные чувства. Инь Яньцзюнь не раз замечал, как тот подолгу смотрел на свой живот, с каким-то невыразимым, противоречивым выражением лица.

Он принимал все мысли юного господина такими, какие они были. Инь Яньцзюнь даже смутно ощущал: тот испытывает отторжение ко всякой эмоциональной привязанности, и потому никогда не заставлял его делать то, что доставляло бы ему неудовольствие.

Сюй Яньцин немного растерялся, будто замер в лёгкой прострации. Он не ожидал услышать от даоса таких слов — думал, что придётся спорить с ним о судьбе ребёнка.

Молча подняв руку, он потёр ухо. Этот даос — настоящий коварный интриган.

В результате той ночью Сюй Яньцин никак не мог уснуть. Стоило ему закрыть глаза, как в голове тут же начинал звучать мягкий голос даоса. Он машинально прикрыл рукой грудь — сердце билось чуть быстрее обычного. Это новое, непривычное ощущение вызывало смятение.

«Солёный окунь» окончательно сдался перед жизнью. Из-за живота сроком в шесть месяцев он не мог даже нормально поворачиваться в постели, что лишь усугубляло его страдания.

Смятение нарастало, и, не колеблясь, он свалил всю вину на бедного даоса. Ни за что, просто потому что тот мешал ему спать — значит, виноват.

*

Тук-тук-тук. В дверь снаружи постучали.

Инь Яньцзюнь, сидевший за письменным столом, спокойно встал. Открыл дверь — и увидел растрёпанного юного господина на пороге.

— Ау~! — произнёс тот, пытаясь изобразить демона, и с грозным видом прыгнул вперёд, будто хотел напугать наставника Сюаньчэня.

В этот час юный господин должен был давно спать, но по какой-то причине вновь оказался у его двери.

Инь Яньцзюнь мягко удержал его обеими руками и с лёгким смехом спросил:

— Юный господин, вы так стараетесь — неужели я вас чем-то обидел?

Попытка напугать даоса не увенчалась успехом, и юный господин не почувствовал никакого удовлетворения. Он бесцеремонно вошёл в комнату и уселся за письменный стол наставника.

— Наставник в последнее время особенно занят. В столице случилось что-то важное?

Он не объяснил, почему не мог спать или зачем пришёл пугать даоса. Поэтому Инь Яньцзюнь тоже тактично не стал расспрашивать, лишь спокойно пояснил:

— Принц Хуай — человек легкомысленный. Все его помыслы — о еде, вине и забавах. А теперь, когда я оставил его в столице помогать с делами, он стал халтурить и часть донесений присылает мне.

О репутации принца Хуая «солёный окунь» слышал не раз. Как человек, тоже знавший толк в еде и лени, он полностью понимал: если бы его самого оставили в столице корпеть над скучными отчётами с утра до ночи — он бы тоже бросил всё и сбежал.

Но, как ни крути, даос оставил обязанности регента на плечах принца Хуая именно ради него. Поэтому даже при всём своём беззаботном характере Сюй Яньцин не собирался перечить наставнику в этом вопросе. Он просто моргнул своими тёмными глазами и молча сел рядом за письменный стол, наблюдая, как даос просматривает донесения.

Когда Инь Яньцзюнь, наконец, закончил с бумагами, он поднял голову — и увидел, что юный господин спит, уронив голову на стол. Его изящные брови были хмуро сдвинуты, лицо выражало явный дискомфорт — сон был тревожным.

Инь Яньцзюнь медленно поднялся и подошёл к юному господину, собираясь перенести его. Одной рукой он мягко обхватил его за шею, другой — осторожно обнял за талию и легко поднял на руки.

Сюй Яньцин уже едва дремал, но тревожные, неясные мысли, крутившиеся в голове, не давали ему спокойно уснуть в постели. Однако теперь, оказавшись в объятиях даоса, все тревоги словно испарились, и стоило уронить голову — он сразу же погрузился в глубокий сон.

Юный господин, как маленькое существо, цепляющееся за старшего, уткнулся лбом в грудь наставника и, словно во сне, потерялся в его объятиях. Вид этой сцены смягчил сердце Инь Яньцзюня, и на его лице появилась нежная, почти отцовская улыбка.

На следующее утро Сюй Яньцин проснулся, когда солнце уже было высоко. Он пролежал в постели какое-то время, глядя в потолок, пока не вошёл Му Ю, чтобы помочь ему привести себя в порядок. Только тогда он неохотно поднялся с кровати.

Так как накануне он привёз из города металлические детали, сегодня у юного господина были дела. Позавтракав, он уединился в комнате, разобрал принесённые шестерёнки и разложил их на письменном столе.

Вскоре из комнаты раздался металлический звон. Ци Чэнь, услышав шум, лениво вышел из своей комнаты и направился к юному господину.

Комната была в полном беспорядке — на полу валялась куча железных деталей, в которых Ци Чэнь ровным счётом ничего не понимал. Протиснувшись сквозь завал, он добрался до Сюя и с нескрываемым любопытством взглянул на разбросанные повсюду вещи:

— Юный господин, вы что здесь делаете? Я уж подумал, что вы решили разобрать дом по частям.

Сюй Яньцин не нашёл времени даже для ответной насмешки — лишь бросил на него короткий взгляд и снова погрузился в работу.

Все детали уже были наготове — оставалось только собрать их. Однако из-за обилия мелких элементов это было делом хлопотным.

Но юный господин, очевидно, давно приноровился. Он с лёгкостью находил нужные шестерёнки среди десятков разбросанных. Спустя недолгое время перед ним уже стоял грубый

прототип механических часов.

Среди всех деталей самой сложной была пружина — именно о ней Сюй Яньцин особо просил мастеров.

Уровень местных ремесленников ещё далёк от технологий будущего. Только над одной пружиной он долго ломал голову. В конце концов, Му Ю отыскал подходящий кусок железа, и самого искусного кузнеца едва хватило, чтобы выковать нужную форму.

Наконец, между несколькими шестернями была натянута тяжёлая железная цепь. Ци Чэнь даже не успел заметить, в каком именно месте юный господин что-то тронул, как вдруг послышался характерный клац-клац, и все зубчатые колёса пришли в движение.

— Ого! — глаза Ци Чэня округлились, он с изумлением уставился на механизм. — Юный господин, эта штука правда двигается сама по себе!

Только что это было нагромождение дерева и никчёмного железа, а теперь, пусть и грубовато собранное, но вполне работающее устройство.

Он собственными глазами видел, как юный господин собирал всё по частям — потому и впечатление было особенно сильным. Он уставился на него с выражением благоговения, будто перед просветлённым мудрецом:

— Что это вообще такое, юный господин?

Сюй Яньцин не собирался томить его загадками. С воодушевлением пояснил:

— Это прибор для измерения времени. Что-то вроде солнечных часов или курильницы, только точнее. Он сам показывает, который час!

Взгляд Ци Чэня упал на два колокольчика, свисающих с нижней части конструкции:

— Юный господин, вы про эти колокольчики?

Сюй Яньцин кивнул:

— Подожди немного. Этот прибор звенит каждые полшичэня.

Время пролетело быстро. Пока Ци Чэнь помогал прибирать хаос в комнате, раздался чистый, звонкий перезвон.

Глаза Ци Чэня распахнулись ещё шире. Эта штукovina была куда сложнее солнечных часов и, к тому же, показывала время сама — потрясающая гибкость конструкции.

Сюй Яньцин тем временем устроился в своём кресле с ленивым видом. Услышав восхищённые возгласы, он лишь лениво провёл пальцем по подбородку, никак не реагируя. Ведь в его прошлой жизни это было всего лишь игрушкой — далеко не тем, что можно назвать настоящими часами.

Поэтому бурный восторг Ци Чэня мгновенно натолкнулся на безмятежное равнодушие юного господина и угас. Но заткнуться Ци Чэнь всё равно не мог — не в его характере. Немного повозившись, он поднял «странный таймер» и вышел с ним во двор.

Вскоре «солёный окунь» услышал, как снаружи один за другим раздаются изумлённые

возгласы.

— Что это такое?.. Выглядит просто невероятно!

— Похоже, это и есть то, чем юный господин был так занят в последнее время.

— Почему оно может двигаться само по себе и ещё звенит?

— Наш юный господин — поистине выдающийся ум!

Единственным, кто не уставал превозносить Сюй Яньцина, был Му Ю. В его глазах юный господин был настоящим гением, только вот ленив до крайности. Если бы захотел — давно бы с лёгкостью прошёл императорские экзамены и занял, как минимум, третье место. Ведь он не только умен, но и красив, изящен и благороден.

Однако сам Сюй Яньцин, услышав эти восторженные речи, не почувствовал ни радости, ни даже легкой сонливости, столь привычной для его «солёного» состояния. Всё изменилось лишь тогда, когда он увидел, как в комнату входит даосский наставник. Сквозь открытую дверь доносились пылкие хвалебные речи Му Ю, и юный господин внезапно ощутил необъяснимый стыд.

Лучше бы мне прямо сейчас умереть, — подумал он в отчаянии, — или хотя бы зарыться в землю и исчезнуть.

Бедный Му Ю, ни сном ни духом не подозревая, что своими похвалами только что довёл господина до первого в жизни акта «социальной смерти».

Сюй Яньцин, спасаясь от неловкости, стремительно схватил ближайшую книгу и накрыл ею лицо, решительно притворившись невидимым.

Инь Яньцзюнь с лёгкой улыбкой на устах подошёл к нему.

— Му Ю прав, — мягко заметил он. — Его юный господин действительно умен, жаль только, что всё это не идёт на пользу учёбе.

В голосе даоса звучала лёгкая насмешка. Юный господин, всё ещё изображавший полное исчезновение из реальности, разумеется, никак не отреагировал. Но под книгой его пухленькое личико медленно налилось краской.

Опасаясь, что тот может задохнуться, Инь Яньцзюнь аккуратно отнял книгу от лица юного господина, и тут же на свет показались его пылающие щёки.

Пытаясь скрыть смущение, Сюй Яньцин сразу подхватил тему:

— Как гласит древняя мудрость: «В трёхстах шестидесяти ремёслах каждый может стать мастером». Никто не говорит, что такой исключительный ум, как у меня, обязательно должен тратить себя на службу государству через экзамены. У меня есть свои устремления.

Даос налил ему чашку тёплой воды и, подавая, с доброй улыбкой поинтересовался:

— И какие же у тебя устремления?

При этих словах лицо юного господина засветилось торжеством:

— Моё стремление — стать настоящим бездельником и беспечной солёной рыбиной.

Он уже не раз упоминал это загадочное выражение, и хотя Инь Яньцзюнь до конца так и не понял, что оно означает, по смыслу уловил суть. С лёгким смешком он сказал:

— Тогда мне остаётся только усердно трудиться во имя процветания Великой Лян, чтобы ты мог спокойно оставаться в поместье у Уань-хоу и жить себе, как счастливая и довольная... солёная рыба.

Он специально подчеркнул последнее выражение, повторив его слово в слово.

Слушая эти слова, «солёная рыба» вдруг вспомнила популярную фразу из прежней жизни: «Ты — цветы, как цветок, а я — заработаю, чтобы тебя содержать.»

Лицо его вспыхнуло ещё ярче от внезапной, глуповатой мысли. Он быстро опустил взгляд и, кусая губу, мысленно фыркнул: Всё, это всё он! Даосский наставник просто не умеет играть по правилам, вот и всё, хмф!

<http://bllate.org/book/12638/1120948>